

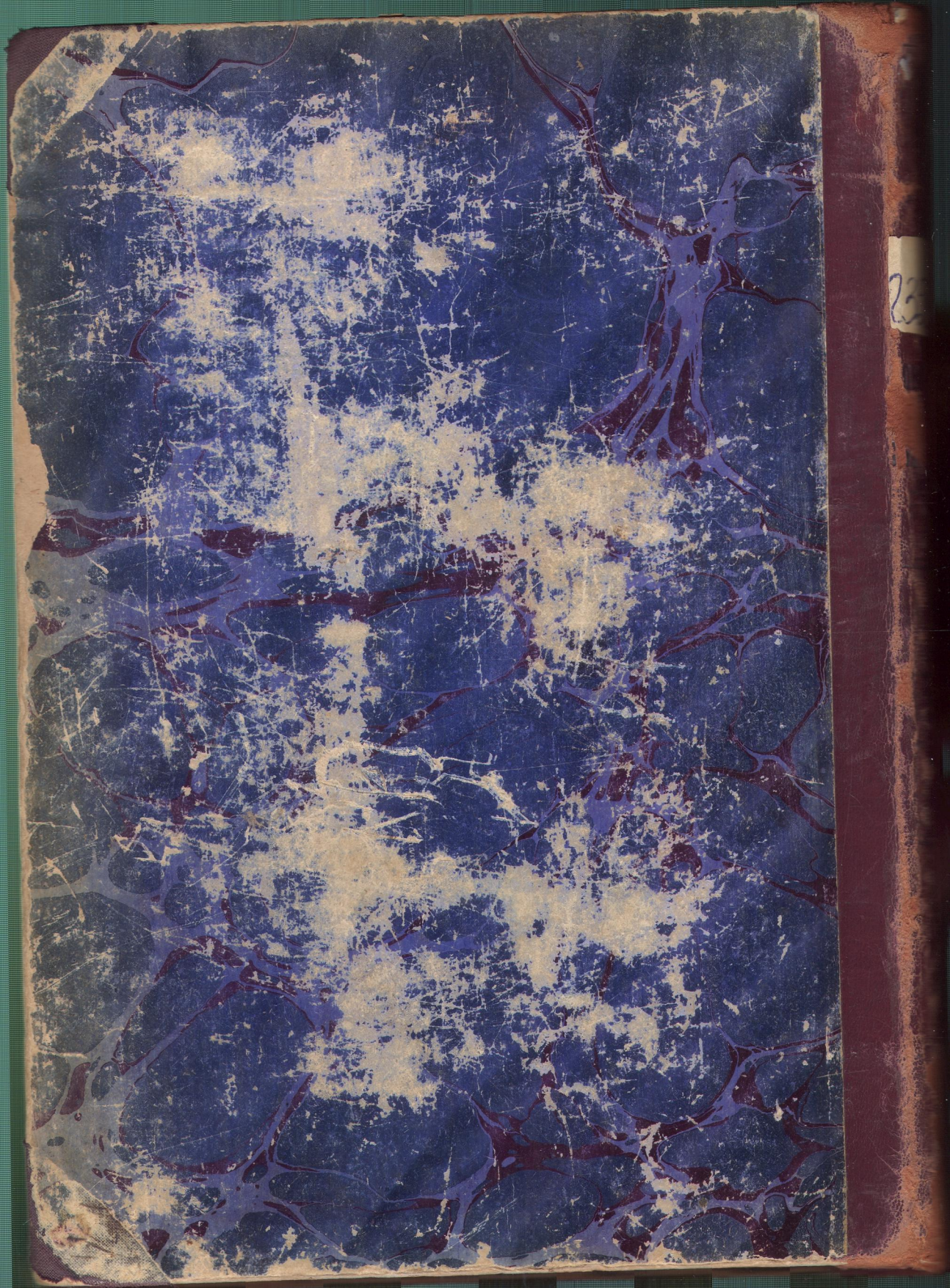
232381yr

232381yr

yr

232381

yr

32381

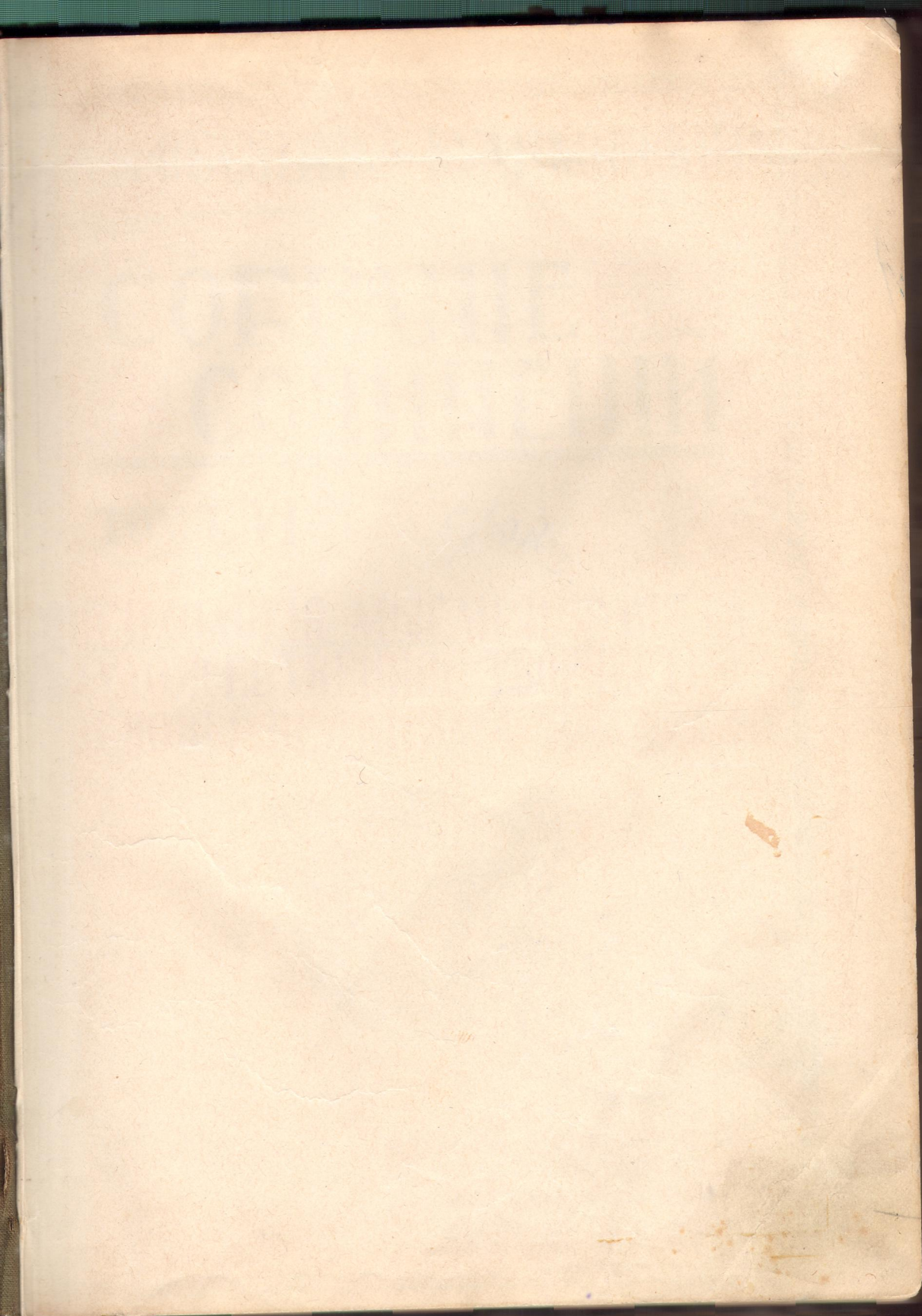
ОБЩАЯ

А. КОБЫ

Т. VI

232381-92

Ywb 18

12. 14.

ДН. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИИ

ТОМЪ VI

с/712.

2532 ПСИХОЛОГІЯ МЫСЛИ И ЧУВСТВА.
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО.
ОСНОВЫ ВЕДАИЗМА

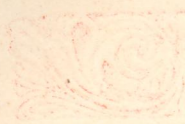

М. СОЛОМОНОВЪ.

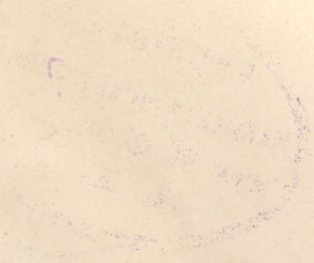
ИЗД-Т-ва „ОБЩЕСТВЕННАЯ
ПОЛЬЗА“ И КНИГОИЗД.
„ПРОМЕТЕЙ“, СПБ. 1909Г.

322

14

ВЪЗНЕСЕНІЯ ПРАЗДНИКЪ
СВЯТЫХЪ АПОСТОЛЪ ПАВЛА
И СИМОНА КИРИИ
ВЪЗНЕСЕНІЯ ПРАЗДНИКЪ

2102

ВЪЗНЕСЕНІЯ ПРАЗДНИКЪ
СВЯТЫХЪ АПОСТОЛЪ ПАВЛА
И СИМОНА КИРИИ

2532

~~77/24~~ ✓ 39

891.7(109)

0-34
✓

ПЕРЕВІРЕНО
1937 р.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

0

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ VI.

Психологія мысли и чувства—Художественное
творчество.—Основы ведаизма.

М. СОЛОМОНОВЪ

ИЗДАНИЕ
Т-ВА, ОБЩЕСТВЕННАЯ
ПОЛЬЗА, ПЕТЕРБУРГЪ: 1909.

51
✓ 59
801

СВ

1/2
40

СОБРАНИЕ СОПНОВИИ

ТОМЪ VI.

Психологія мысли и чувства — Художественное
творчество — Основы педагогики.

111

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Предисловіе	I
Введеніе въ ненаписанную книгу по психологіи умственнаго творчества (научно-философскаго и художественнаго).	5
О значеніи научнаго языкознанія для психологіи мысли . .	42
Наблюдательный и экспериментальный методы въ искусствѣ	61
Идея безконечнаго въ положительной наукѣ и въ реальномъ искусствѣ	126
Горизонты будущаго и грани прошлаго	153
Основы ведаизма	172

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ эту книгу вошли статьи, написанныя въ разное время и на разныя темы, но объединенныя исходною точкою зрѣнія и постановкою вопросовъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

Исходную точку зрѣнія можно формулировать такъ: человѣчество вышло изъ звѣрства и, проходя черезъ варварство, развивается въ направленіи къ высшей человѣчности. Процессъ сводится къ успѣхамъ матеріальной и духовной культуры, къ накопленію высшихъ духовныхъ благъ, къ упроченію власти разума надъ чувствами и аффектами, къ выработкѣ нравственнаго сознанія и гуманности. Всякій шагъ впередъ сопряженъ съ преодоленіемъ того или другого остатка былого варварства — въ учрежденіяхъ, въ моральномъ и правовомъ сознаніи, въ понятіяхъ, въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку, наконецъ въ приемахъ мышленія. Объ остаткахъ и пережиткахъ прошлаго трактуетъ статья «Горизонты будущаго и грани прошлаго», затрогивающая вопросъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ нашей передовой интеллигенціи.

Что касается *постановки* вопросовъ, то я позволю себѣ назвать ее *научною* — въ смыслѣ старанія отдѣлаться отъ всякихъ остатковъ *мифологичности*, какихъ все еще не мало въ современномъ мышленіи, въ особенности въ области вопросовъ психологическихъ. Я не претендую на научную обоснованность и доказанность моихъ мнѣній и выводовъ (да и предлагаемыя статьи, кромѣ послѣдней — «Основы ведаизма», — не могутъ быть названы «изслѣдованіями» или «научными трактатами»); я только дѣлаю попытку мыслить явленія такъ, чтобы въ моихъ понятіяхъ и заключеніяхъ не было ничего, напоминающаго мифологическіе приемы мысли, напр. тотъ, въ силу котораго явленія отливаются въ форму *субстанціи*. Категорія субстанціи есть категорія архаическая...

Съ указанною цѣлью я избѣгаю нѣкоторыхъ общеупотребительныхъ терминовъ, которые, казалось бы, сами собой напрашиваются всякому, кто пишетъ на темы *о мышленіи, о творествѣ, о художественномъ процессѣ*. Это именно: «истина» и «красота». Они очень коварны, эти терминны: въ нихъ дремлетъ старый мифъ. Особенно опасенъ и неудобенъ второй — «красота». Я его рѣшительно отвергаю, потому что не признаю научнымъ *понятіе*, съ нимъ связанное, поскольку оно прилагается къ высшимъ процессамъ мысли, — чаще всего къ художественнымъ. О «красотѣ» объективной (въ природѣ, въ космосѣ) и рѣчи быть не можетъ: это — мифъ, котораго происхожденіе и исторію не трудно прослѣдить. Можетъ быть рѣчь только о «красотѣ» субъективной, т. е. *объ ощущеніи, чувствѣ, сознаніи, идеѣ «красиваго»*. Но въ такомъ случаѣ, эту субъективную «красоту» нужно разложить на извѣстные *психическіе процессы*. Производя такую операцію съ явленіемъ, которое называется «чувствомъ и идеєю красоты» въ сферѣ высшаго мышленія и творчества (въ томъ числѣ и художественнаго), мы получаемъ въ результатѣ такіе психическіе процессы, для обозначенія которыхъ терминъ «красота» и неудобенъ, и не нуженъ, и если ужъ прибѣгать къ стародавней, унаслѣдованной отъ временъ мифа терминологіи, то въ данномъ случаѣ гораздо лучше употреблять терминъ «истина». Искусство, которое есть процессъ мышленія, ищетъ «истину» (а вовсе не «красоту»), — какъ ищетъ «истину» наука и философія; разница лишь въ томъ, что «истина», добываемая наукою и философією, облекается въ форму *отвлеченнаго понятія*, а «истина», постигаемая искусствомъ, дана въ формѣ *образа*. — Тѣмъ не менѣе мы отказываемся и отъ термина «истина», ибо и въ немъ есть замѣтная доля мифологичности. Говоря «истина», мы невольно придаемъ нежелательное направленіе нашей мысли въ сторону понятія о чемъ-то извнѣ данномъ, положительномъ, «сущемъ». Насколько такой оборотъ мысли неудобенъ и несогласенъ съ преобладающими стремленіями современнаго прогрессивнаго мышленія, — это станетъ совершенно яснымъ, какъ только обратимъ вниманіе на столбовой историческій путь развитія науки и философіи, которымъ приписывается монополія «категоріи истины». Путь науки и философіи, если отвлечься отъ субъективнаго чувства самихъ ученыхъ и мыслителей, воображаю-

щихъ, что постигли какую-то «истину», сводится къ открытію *методовъ* изслѣдованія, къ установленію новыхъ понятій, пригодныхъ для процесса познаванія, къ выработкѣ новыхъ способовъ и приѣмовъ мышленія. Истины нѣтъ, а есть лишь стремленіе къ познанію, соответствующему данному уровню познавательныхъ силъ. Категорію «истины» пора замѣнить категорією «метода», процесса познаванія. Говоря такъ, я вовсе не стою на скептической точкѣ зрѣнія. Скептицизмъ, какъ извѣстно, появляющійся отъ времени до времени на поприщахъ высшей мысли, я считаю явленіемъ патологическимъ,—признакомъ упадка умственного творчества. Мое отрицательное отношеніе къ категоріи «истины», не имѣя ничего общаго съ скептицизмомъ, является только логическимъ выводомъ изъ того общезнаемаго положенія, что научная и философская мысль, въ своемъ прогрессивномъ развитіи, явно становится *все менѣе догматичной*, и главный интересъ и значеніе высшей умственной дѣятельности переносится изъ ея результатовъ или конечныхъ выводовъ, въ данное время добытыхъ, въ самый ея процессъ. Знакомясь съ работою ученаго или мыслителя, мы ставимъ вопросъ: какъ, какими приѣмами и понятіями онъ мыслитъ? И самая цѣнность добытыхъ результатовъ всецѣло зависитъ отъ научнаго и философскаго достоинства его мышленія. А это достоинство опредѣляется не отвлеченной категоріей «истины», а потребностями, запросами и нормами современнаго высшаго мышленія.—Въ существѣ дѣла, «истина» есть понятіе догматическое, и оно перешло, по наслѣдству, въ философію и науку *изъ религиозныхъ системъ*. Въ настоящее время, когда окончательно выяснился *недогматическій* характеръ научнаго и философскаго мышленія, приходится либо урѣзать само понятіе «истины», превращая ее въ относительную, условную, субъективную и временную, либо, что послѣдовательнѣе,—совсѣмъ его отвергнуть, какъ нефилософское и ненаучное.—Мы предпочитаемъ послѣднее и убѣждены, что это нисколько не умаляетъ достоинства научной и философской мысли...

Первая изъ помѣщенныхъ здѣсь статей была написана въ 1900 г. (напечатана подъ заглавіемъ «Къ психологіи мысли и творчества» въ журналѣ «Жизнь» 1901 г., а потомъ въ

сборникѣ моихъ статей, озаглавленномъ «Вопросы психологій творчества»). Она была задумана — какъ родъ введенія въ будущую книгу по психологій научнаго, философскаго и художественнаго мышленія, — написать которую мнѣ не удалось. Но нѣкоторая часть ея содержанія вошла въ эту статью о «*Наблюдательномъ и экспериментальномъ методѣ въ искусствѣ*», напечатанномъ впервые въ «Вѣстн. воспитанія» (1903 г.). Обѣ статьи переиздаются здѣсь съ необходимыми поправками. Вмѣстѣ съ рѣчью «*О значеніи научнаго языкознанія для психологій мысли*», онѣ образуютъ нѣкоторое «цѣлое», гдѣ изложены основныя идеи, отъ которыхъ я исхожу при изученіи данныхъ вопросовъ, и которыя я не теряю надежды со временемъ углубить и развить на почвѣ детальныхъ изслѣдованій.

Какъ дополненіе къ этому отдѣлу, я помѣщаю здѣсь и эскизъ, нѣкогда написанный подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ «Трехъ сестеръ» Чехова. Это — статья «*Идея безконечнаго въ положительной наукѣ и въ реальномъ искусствѣ*». Мысли, здѣсь намѣченные, нуждаются въ разработкѣ и въ болѣе обстоятельномъ развитіи, но сейчасъ сдѣлать это я не могъ.

Статья «*Основы ведаизма*» была (подъ заглавіемъ «Очеркъ религіи индусовъ въ эпоху Ведъ») напечатана въ 1892 году въ «Вѣстникѣ Европы». Это — популярное изложеніе моихъ специальныхъ изслѣдованій въ этой области.

Введеніе въ ненаписанную книгу по психологіи умственнаго творчества (научно-философскаго и художественнаго).

I.

«Душа—не яблоко: ее не разрѣжешь»,—говоритъ Шубинъ въ «Наканунѣ» Тургенева. Это справедливо лишь отчасти и въ очень условномъ смыслѣ. Въ сущности душа человѣческая довольно легко «разрѣзывается» по шву, которымъ скрѣплены одна съ другой (и при томъ далеко не прочно) двѣ сферы ея: *сфера чувствъ* и *сфера мысли*. Надо полагать, у высшихъ животныхъ онѣ скрѣплены гораздо основательнѣе, а у низшихъ животныхъ цѣльность души, конечно, еще солиднѣе, ея сплоченность еще крѣпче,—и ее, пожалуй, ужь въ самомъ дѣлѣ не «разрѣжешь».

(Психика культурнаго человѣка сложна и расчленена. На первоначальной основѣ ея, т. е. на *волево́мъ психическомъ аппаратѣ*, тысячелѣтіями культурнаго развитія создались обширныя и причудливыя «надстройки» чувствъ и умственныхъ процессовъ.) Эта строительная дѣятельность совершалась, конечно, не по какому-либо плану, не по рациональнымъ законамъ психической архитектуры, а со всею иррациональностью слѣпого творчества природы. Душа человѣческая, какъ мы ее знаемъ теперь, есть продуктъ психической *эволюціи*, которую нѣтъ никакихъ основаній считать законченною. Мы можемъ гордиться богатствомъ нашей психики, когда сравниваемъ ее съ психикою дикарей; но эта гордость сейчасъ же должна смириться, какъ только вспомнимъ о всѣхъ невросахъ и психозахъ, которыми цивилизованный человѣкъ такъ подверженъ именно въ

силу несовершенства и неустойчивости своей нервно-мозговой и психической организаціи.

✓ Прогрессъ въ эволюціи психики человѣческой сводится: 1) къ усовершенствованію, обогащенію, изощренію умственной и чувствующей сферъ, 2) къ подчиненію волевого аппарата власти ума и высшихъ чувствъ и 3) къ упроченію синтеза всѣхъ элементовъ и процессовъ психики. Этотъ синтезъ и есть то, что иначе называется *личностью*.

Для уясненія относительнаго совершенства или, лучше, несовершенства нашей психики прежде всего необходимо обратить вниманіе на *взаимоотношенія мысли и чувства*. Вникая въ психическую природу этихъ двухъ сферъ, мы ясно усматриваемъ коренное различіе между ними, ихъ разладъ, и приходимъ къ выводу, что это—какъ бы «двѣ души», имѣющія свои особыя «законы», стремленія, задачи. Душевное равновѣсіе и благополучіе человѣка въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ того, насколько поладили между собою эти «двѣ души» его, насколько крѣпокъ союзъ ихъ.

Есть одно, что ихъ сближаетъ и роднитъ: это—единство ихъ происхожденія. Основною ячейкою, изъ которой они возникли¹⁾, должны быть признаны *элементарныя чувственныя воспріятія* (зрительныя, слуховыя, осязательныя и т. д.). Эти воспріятія, пока они еще не переработаны въ представленія, суть столько же элементы чувства, сколько и мысли, или точнѣе, это — зачатки будущихъ чувствъ и матеріалъ будущей мысли. Если угодно, здѣсь можно усматривать какъ бы *предварительный синтезъ* чувства и мысли. Но этотъ изначальный, зачаточный синтезъ подлежитъ разрушенію, безъ чего невозможно дальнѣйшее развитіе психики, идущее въ направленіи обособленія обѣихъ сферъ. Первые шаги развитія психики, это—уже нарушеніе равновѣсія. Если представимъ себѣ существо, психика котораго состоитъ только изъ чувственныхъ воспріятій, еще не переработанныхъ въ настоящія чувства, хотя бы простѣйшія, и въ настоящую мысль, хотя бы элементарную, то придется признать это существо столь же душевно-убогимъ, сколько и душевно-цѣльнымъ. Какъ только матеріалъ чувственныхъ воспріятій перерабатывается съ одной

¹⁾ Въ эволюціонномъ порядкѣ, въ филогенезѣ психики,—и возникаютъ у cadaго человѣка въ его психическомъ онтогенезѣ.

стороны въ элементарные процессы мысли, а съ другой—въ простѣйшія чувства, — принципиальная противоположность обѣихъ сферъ и ихъ разладъ сейчасъ же обнаруживаются.

II.

Чувство, какъ таковое, характеризуется, во-первыхъ, наличностью такъ называемой *окраски*, большею частью подвдимой подъ категоріи *пріятнаго и непріятнаго*. Мысль, какъ таковая, чужда какой бы то ни было окраски. Нужно строго различать между самими чувствами, напр., радости, озлобленія, зависти, жалости, грусти и т. д., и соотвѣтственными понятіями или представленіями: первыя—окрашены, вторыя—не окрашены. То или иное представленіе (напр. образъ любимаго человѣка, воспоминаніе о счастливомъ событіи) можетъ вызвать живую игру извѣстныхъ чувствъ (напр., радости, восторга), но данное представленіе и данное чувство не сливаются въ одинъ, нераздѣльный душевный моментъ, котораго «не разрѣжешь»; напротивъ, здѣсь очень легко сдѣлать разрѣзъ по линіи, отдѣляющей представленіе (процессъ мысли) отъ со-
V V
V V
Тел
дмоч
наз.
C
V V
V V V
 пущающаго чувства. И данное представленіе отнюдь нельзя назвать окрашеннымъ: окрашено не оно, а чувство, съ нимъ ассоціированное. Такія ассоціаціи могутъ быть настолько тѣсны и постоянны, что окраска чувства, связаннаго съ представленіемъ, легко переносится на самое представленіе. Есть, напр., образы и даже понятія, обычно вызывающія въ насъ чувство физическаго или нравственнаго отвращенія. При этомъ намъ кажется, будто въ составъ самого образа или въ содержаніе понятія входятъ элементы чувства. Это—иллюзія: въ составъ образа, въ содержаніе понятія входитъ только сознаніе ихъ отношеній къ опредѣленному чувству, а не самое это чувство. Такъ, напр., изображеніе въ мысли физической нечистоплотности часто заставляетъ насъ живо ощущать соотвѣтственное чувство отвращенія; но это чувство можетъ и не возникнуть, если картина нечистоплотности была мимолетная и не яркая. То, что во всякомъ случаѣ входитъ въ эту картину со стороны чувства, можетъ быть опредѣлено какъ сознаніе ея опредѣленнаго отношенія къ чувству, какъ ея оценка или квалифікація, внушенная чувствомъ. Сама по себѣ та-

1 4 кая оцѣнка или квалифікація не есть чувство. Она—элементъ мысли, но только такой, наличность котораго обусловлена предварительной наличностью соотвѣстнаго чувства. Если, предположимъ, у даннаго человѣка, въ силу какой-либо физической или психической аномаліи, совѣтъ нѣтъ чувства отвращенія, вызываемаго картиною нечистоплотности, то онъ только по наслышкѣ будетъ знать, что нечистоплотность квалифицируется какъ отвратительная, на самомъ же дѣлѣ у него этой оцѣнки не будетъ въ наличности,—въ его душевномъ обиходѣ,—въ смыслѣ живого, сознательнаго опредѣленія, опирающагося на личный внутренній опытъ, данный въ чувствѣ.

Такой анализъ представленій и понятій, подводившихся подъ категорію пріятнаго и непріятнаго, долженъ, по моему разумѣнію, привести къ выводу, что это отнюдь не явленія *окраски* мысли, а только процессы *ассоціаціи* мысли съ чувствомъ.

Но въ ряду ассоціацій мысли съ чувствомъ особое мѣсто занимаютъ нѣкоторые изъ тѣхъ процессовъ, въ которыхъ оцѣнка представленій и понятій дана со стороны *нравственнаго чувства*. Если въ такой оцѣнкѣ даетъ себя знать *живой голосъ совѣсти*, то здѣсь мы уже имѣемъ ассоціацію иного рода, гораздо болѣе сложную и тѣсную,—мы имѣемъ *синтезъ* мысли и чувства. О нравственномъ чувствѣ, въ смыслѣ живого голоса совѣсти, или категорическаго императива, заявляющаго о себѣ, изрекающаго свое одобреніе или свое veto, у насъ будетъ рѣчь ниже, и мы постараемся показать, что это настолько же явленіе мысли, насколько и явленіе чувства. Но его отнюдь нельзя подвести подъ понятіе *окраски* мысли чувствомъ. Оно гораздо сложнѣе, гораздо выше окрашенныхъ элементовъ мысли, и, какъ я думаю, оно и не мыслимо безъ предварительнаго развитія умственныхъ силъ, которое, въ свою очередь, основано на обособленіи мысли, на ея освобожденіи отъ окраски чувствъ. . . .

Въ концѣ концовъ *окрашенные* процессы мысли (у человѣка культурнаго и нормальнаго) мы можемъ найти только въ ея элементахъ, именно въ чувственныхъ воспріятіяхъ, которыя, въ сущности, еще не мысль, а только матеріальная состоящая мысли, начинающейся образованіемъ представленій. Окраска самихъ воспріятій у взрослого не такая, какъ у ребенка. Тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе важны для мысли (зрительныя и слуховыя), по мѣрѣ развитія умственныхъ силъ

ребенка, теряют окраску; тѣ же, которыя менѣе важны для мысли и тѣснѣе связаны съ фیزیологической жизнью, напротивъ, съ возрастомъ окрашиваются сильнѣе (напр., воспріятія вкусовые).

Процессъ развитія мысли, съ первыхъ же шаговъ ея, рѣзко характеризуется—у человѣка—стремленіемъ къ *безразличію* въ отношеніи къ *чувствующейся* окраскѣ, къ категоріи пріятнаго и непріятнаго. Въ умственныхъ актахъ, ведущихъ къ образованію представленій и понятій, чувствующаяся окраска воспріятій быстро потухаетъ, и только въ такомъ потухшемъ безразличномъ видѣ воспріятія и становятся матеріаломъ, пригоднымъ для созданія картины міра, даннаго въ представленіяхъ и понятіяхъ.

На этомъ пути,—въ направленіи *безразличія*, *неокрашенности*,—между прочимъ, выдѣляется особый элементъ мысли, родъ умственного ощущенія—*свободы* отъ давленія чувствъ, отъ гнета чувствующейся окраски. Мысль обособляется и сперва ощущаетъ, а потомъ и сознаетъ, если можно такъ выразиться, всѣ преимущества своей возникающей автономіи. Ея процессы и результаты все болѣе и болѣе становятся самодовлѣющими. Возникаетъ сознаніе силы, законмѣрности и психологическихъ правъ мысли, независимо отъ воли и чувствъ. Однимъ словомъ, это—психологическія основанія того, что издревле принято называть *истиной*. Изъ намѣченной постановки вопроса читатель, полагаю, уже видитъ, съ какой стороны я хотѣлъ бы подойти къ психологической разработкѣ проблемы «истины». Я не спрашиваю, что есть истина? Я хочу уяснить себѣ психологическое происхожденіе ощущенія и понятія *истинности*, какъ особой, сопутствующей развитію мысли, умственной категоріи, принципально-отличной отъ окраски, свойственной чувствамъ. Въ томъ стремленіи къ безразличію относительно чувствующейся окраски, о которомъ я только-что говорилъ, я усматриваю первый шагъ къ образованію этой категоріи, присущей процессамъ мысли, и съ этой стороны ощущеніе истинности есть сперва только ощущеніе того, что въ возникающихъ образахъ, въ слагающихся понятіяхъ чувствующаяся окраска воспріятій потухла.

III.

Въ силу отсутствія *окраски* процессы мысли (представленія, понятія, идеи) могутъ быть понимаемы какъ *не эгоистическія* (въ извѣстномъ смыслѣ) проявленія нашей психики. Во избѣжаніе недоразумѣній, вмѣсто термина «эгоизмъ» съ его производными (будемъ пользоваться терминомъ «эгоцентризмъ», понимая подъ нимъ особое отношеніе къ «я» субъекта, именно то, которое дано въ чувствахъ и тѣмъ явственнѣе обнаруживается, тѣмъ живѣе сказывается, чѣмъ сильнѣе и выше чувство. Въ сферѣ чистой мысли, напротивъ, чѣмъ могущественнѣе, чѣмъ совершеннѣе и выше мысль, тѣмъ слабѣе ея связь съ «я» субъекта, тѣмъ дальше стоитъ она отъ этого «я»: по природѣ своей мысль, въ противоположность чувству, *не эгоцентрична*. Въ формѣ представлений, понятій, идей данъ міръ, *не превращенный въ чувства* или, лучше сказать, освобожденный, очищенный отъ непосредственной, чувствующейся окраски желаніями, радостями, страданіями, наслажденіемъ, отвращеніемъ и т. д. Сфера всѣхъ этихъ чувствъ только *ассоціирована* съ объективнымъ міромъ мысли. Если бы возможно было разрушить эту ассоціацію, то вся *неэгоцентричность* мысли обнаружилась бы во всей своей холодной, безстрастной мощи. При этомъ предполагается, что сфера чувствъ не исчезла и продолжаетъ поставлять матеріалъ для мысли, служить ей (иначе пострадала бы сама мысль). Тогда осуществилась бы великая утопія Спинозы: не скорбѣть, не ненавидѣть, а понимать... Впрочемъ, весьма возможно, что настоящая мысль Спинозы была не столь утопична и ея истинный смыслъ сводился къ формулѣ: скорбь, глубокая скорбь, которая не мѣшаетъ познавать, и всегда бодрствующее, нравственное негодованіе, которое не мѣшаетъ понимать.

Какъ процессы *окрашенные*, чувства по праву должны быть признаны *эгоцентрическими* по преимуществу проявленіями психики. Даже высшія, благороднѣйшія чувства, влекущія человѣка къ подвигу самоотверженія, заставляющія его жертвовать собою для другихъ или для идеи, съ точки зрѣнія чисто-психологической должны быть понимаемы, какъ акты наивысшаго *самоутвержденія* личности, наиболѣе яркаго и

полнаго выраженія его «я». Но возможенъ вопросъ: не усматриваются ли на верхахъ духовной жизни признаки возникновенія въ эволюціонномъ порядкѣ новыхъ чувствъ, дальнѣйшее развитіе которыхъ обнаружить, что эгоцентричность чувствъ не есть нѣчто вѣчное и непреложное, что возможно появленіе чувствъ *не эгоцентрическихъ*? Повидимому, та скорбь и негодованіе, о которыхъ я упомянулъ выше, какъ о спутникахъ высшаго познанія, являются чувствами не эгоцентрическими, по крайней мѣрѣ, въ обыкновенномъ смыслѣ. Кромѣ этихъ чувствъ, въ процессѣ высшаго познанія вырабатываются и другія, неэгоцентричность которыхъ еще яснѣе; таково, напр., то, которое Спиноза называлъ «умственной любовью къ Богу» (*amor dei intellectualis*).

Прежде чѣмъ пойти дальше, посмотримъ, что даетъ намъ указанная противоположность мысли и чувства, со стороны ихъ отношенія къ «я» человѣка, для дальнѣйшаго выясненія психологіи «истины». Мысль развивается въ направленіи *неэгоцентричности*. Отсюда понятно произвольное сознаніе того, что продукты мысли (представленія, понятія и ихъ сочетанія) являются, могутъ или должны возникать и имѣютъ свое право на существованіе и свою цѣну независимо отъ того, какъ они относятся къ «я» человѣка: радуютъ ли они, или огорчаютъ, соответствуютъ ли желаніямъ и стремленіямъ человѣка, или нѣтъ. Возникаетъ какъ бы предчувствіе *самобытности* и *самоуцѣнности* умственныхъ актовъ; появляется увѣренность въ томъ, что извѣстные продукты мысли должны быть принимаемы или отвергаемы не потому, что они намъ пріятны или непріятны, а на какомъ-то другомъ основаніи, котораго нужно искать въ природѣ самой мысли, а не внѣ ея, не въ природѣ чувства. Ошибки въ образованіи понятій и въ ихъ сочетаніи, затѣмъ поправки этихъ ошибокъ ведутъ къ установленію для мысли критерія *правильности* и *неправильности*. Съ тѣмъ вмѣстѣ развитіе категоріи истинности вступаетъ въ новый фазисъ.

IV.

Но пойдемъ дальше. Достаточно извѣстно то первенствующее значеніе, которое въ дѣятельности мысли принадлежитъ такъ называемой *бессознательной сферѣ* ея. Подавляющее

большинство умственных актов совершается именно здѣсь, за порогомъ сознанія. И жизнь мысли лучше всего можетъ быть опредѣлена, какъ постоянное общеніе между сознаніемъ и сферою безсознательною. Сохраненіе умственныхъ приобрѣтеній въ безсознательной сферѣ есть *память*, безъ которой ни умственная работа, ни прогрессъ мысли были бы невозможны. Но безсознательная сфера не есть какъ бы только складъ, магазинъ образовъ, понятій, идей: она—арена *умственной дѣятельности*. Вникая въ природу нашихъ умственныхъ актовъ, мы легко убѣждаемся въ томъ, что весьма многіе изъ нихъ протекаютъ безсознательно, и что нерѣдко въ сознаніи отражается только послѣдній результатъ сложныхъ операций, производящихся въ безсознательной сферѣ *автоматически*. Это значитъ, что вся эта работа обошлась намъ даромъ, и тутъ нельзя не видѣть огромнаго сбереженія умственной силы.

Къ числу автоматическихъ работъ, совершающихся въ безсознательной сферѣ, принадлежитъ утилизациа языка, рѣчи. Языкъ—не только средство передачи мысли. Онъ прежде всего—орудіе мышленія. Онъ—сложный процессъ *апперцепціи* представлений, понятій и другихъ умственныхъ актовъ *грамматическими категоріями*. Эти категоріи (части рѣчи и части предложенія) усваиваются нами въ раннемъ дѣтствѣ и становятся для насъ настоящими формами мысли *a priori* въ кантовскомъ смыслѣ. Когда языкъ усвоенъ и сталъ привычнымъ и необходимымъ орудіемъ мысли, тогда грамматическая апперцепція сосредоточивается въ сферѣ безсознательной, сохраняя съ сознаніемъ живую связь и постоянное общеніе, такъ что результаты ея дѣятельности легко переходятъ въ сознаніе. Если искусственно перенести туда не только эти результаты, но и самую дѣятельность языка, то не замедлитъ обнаружиться вся обширность, вся сложность и тонкость этой дѣятельности, а также и то, какъ много мѣста заняла бы она и какъ много потребовала бы вниманія и умственныхъ усилій, если бы цѣликомъ протекала въ сознаніи. Всѣ мы хорошо знаемъ это по горькому опыту школьныхъ лѣтъ, когда, въ цѣляхъ обученія грамматикѣ, мы подвергались неизбѣжной операціи насильственного перемѣщенія существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ, подлежащихъ, сказуемыхъ и т. д. изъ безсознательной сферы, гдѣ они дѣйствуютъ автоматически, въ сознаніе, гдѣ ихъ работа уже перестаетъ быть даровой и гдѣ, по вели-

чинѣ требуемой ею затраты умственныхъ силъ и вниманія, легко можно составить понятіе объ ея огромной важности и цѣнности.

Всѣ, начиная съ языка, бессознательные, автоматическіе процессы мысли (а имя имъ—легіонъ) по праву разсматриваются какъ процессы, сберегающіе, накапливающіе умственную силу, которая этимъ путемъ освобождается для новой, дальнѣйшей, высшей дѣятельности.

На этомъ основана самая возможность прогресса мысли, а за нимъ и всей психики.

Вотъ теперь и спросимъ: существуетъ ли въ душѣ *чувствующей* своя бессознательная сфера, аналогичная той, которая принадлежитъ душѣ *мыслящей*?

Ученые много спорили о томъ, есть ли память чувствъ. Вопросъ долженъ считаться нерѣшеннымъ ¹⁾. Я думаю, что онъ поставленъ неправильно. Сперва нужно рѣшить, возможно ли *бессознательное чувство*, какъ вполне возможна бессознательная мысль. Мнѣ кажется, отрицательный отвѣтъ самъ собою напрашивается. Вѣдь чувство съ его неизбежной окраской остается чувствомъ только до тѣхъ поръ, пока оно *ощущается, проявляется въ сознаниіи*. Субъектъ можетъ неправильно понять свое чувство, можетъ ошибиться въ его опредѣленіи; есть не мало сложныхъ и тонкихъ чувствъ, трудно поддающихся отчетливому отраженію въ словѣ, въ представленіи, въ понятіи. Но, очевидно, эта трудность опредѣленія

¹⁾ Ясную постановку этого вопроса и попытку рѣшить въ утвердительномъ смыслѣ находимъ у Рибо, въ книгѣ „La Psychologie des sentiments“ (1896), глава XI („La mémoire affective“). Наблюдения и соображенія Рибо, клонящіяся къ доказательству существованія „аффективной памяти“, устанавливаютъ лишь одно: родъ „памяти“ въ области *чувственныхъ воспріятій* (обонятельныхъ, вкусовыхъ и др.), а не настоящихъ чувствъ; къ тому же эта „память“, по свидѣтельству самого автора, оказывается весьма ограниченной. По нашему мнѣнію, между нею и памятью умственной—дѣлая пропасть. См. также статьи Pillon'a „La mémoire affective, son importance théorique et pratique“ и Maution'a „La vraie mémoire affective“ въ „Revue philosophique“ 1901 г., февр.—Постановка вопроса, предлагаемая здѣсь мною, близка къ той, которую находимъ въ послѣдней статьѣ (Maution), и еще ближе къ воззрѣнію Вильяма Джемса (въ его „The principles of psychology“).—Ср. А. Лазурский, „Очерки науки о характерахъ“ (1906), стр. 165—166: „...аффективная память, если бы ее изучить подробнѣе, могла бы, пожалуй, имѣть для индивидуальной психологіи не менѣе важное значеніе, чѣмъ многія другія основныя наклонности. Теперь же она еще слишкомъ мало изслѣдована для того, чтобы высказываться окончательно по этому вопросу“

или ошибка въ немъ, въ свою очередь, краснорѣчиво свидѣтельствуешь о *сознательности* чувства: вѣдь если бы сложное, трудно-опредѣлимое чувство *не сознавалось*, то не возникалъ бы и вопросъ о немъ, не было бы ни трудности, ни ошибки. По моему крайнему разумѣнію, выраженіе «бессознательное чувство» есть *contradictio in adjecto*, какъ черная бѣлизна и т. п., и бессознательной сферы въ душѣ чувствующей нѣтъ. ✓ Этому, конечно, отнюдь не противорѣчить сохраненіе воспоминаній о пережитомъ и угасшемъ чувствѣ, а равно и возможность кажущагося повторенія этого чувства. Вы нѣкогда испытали большую радость, вызванную такимъ-то событіемъ въ вашей жизни. Прошли года, эта радость давно потухла, — ея нѣтъ у васъ; но представленія, съ нею связанныя, воспоминанія о событіи, ее вызвавшемъ, о лицахъ, участвовавшихъ въ событіи и т. д., конечно сохраняются въ вашей памяти, потому что они — мысль, а не чувство. Съ этими воспоминаніями могутъ ассоциироваться новыя чувства, отличныя отъ той радости, напр., чувство сожалѣнія о томъ, что она прошла, грусть о счастья, котораго уже нѣтъ. Если же, вспоминая прошлое, вы живо перенесетесь воображеніемъ въ ваше тогдашнее душевное состояніе, и если при этомъ новыя чувства сожалѣнія, грусти и т. д. не придутъ отравлять пріятныхъ воспоминаній, то нѣчто аналогичное былой радости можетъ прозвучать въ вашей душѣ. Но не трудно видѣть, что это не прежнее воскресшее чувство, а новое, только похожее на него, возникшее заново, въ силу извѣстныхъ умственныхъ актовъ (воспоминаній) и того, что въ данную минуту ваша чувствующая душа оказалась свободною отъ другихъ чувствъ. И, разумѣется, новое чувство, принадлежа къ одной категоріи съ прежнимъ, далеко не будетъ, однако, совпадать съ нимъ въ силѣ, интенсивности и въ тѣхъ оттѣнкахъ и подробностяхъ, которыя и образуютъ живую индивидуальность чувства. Наша чувствующая душа, по справедливости, можетъ быть сравниваема съ тѣмъ возомъ, о которомъ говорится: что съ возу упало, то и пропало. Напротивъ, душа *мыслящая* — это такой возъ, съ котораго ничего не можетъ упасть: вся поклажа тамъ хорошо помѣщена и скрыта въ сферѣ бессознательной. Возьмемъ другой примѣръ. Литвиновъ и Ирина любили другъ друга. Какъ ни была сильна и страстна эта любовь, она, послѣ извѣстнаго разрыва (въ Москвѣ), съ теченіемъ времени

прошла, потухла. Потомъ они встрѣтились за границей. Здѣсь, на первыхъ порахъ, ихъ чувствующія души были свободны отъ чувства любви. Но воспоминанія о прошломъ и жажда счастья (или, лучше сказать, тѣхъ острыхъ, страстныхъ, блаженно-мучительныхъ душевныхъ состояній, которыя даетъ любовь) привели къ новой любви. Она вспыхнула съ новой силой. Но это, въ точномъ психологическомъ смыслѣ, не прежнее чувство, а новое, только очень похожее на прежнее. Можно два раза заболѣть тифомъ, но новый тифъ, несмотря на все сходство съ прежнимъ, будетъ новой болѣзнью, которой теченіе и картина не можетъ по всѣмъ пунктамъ совпадать съ теченіемъ и картиною первой. Когда говорится, что Литвиновъ и Ирина не переставали любить другъ друга, и любовь безсознательно сохранялась въ ихъ душѣ, чтобы при новой встрѣчѣ вспыхнуть съ прежней силою, то это только—фигуральное выраженіе, противорѣчащее психологической природѣ чувствъ. Но когда говорятъ, что такая-то мысль долго сохранялась и даже работала въ безсознательной сферѣ, чтобы потомъ проявиться въ сознаниі, то это уже не фигуральное выраженіе, а вполнѣ точное обозначеніе факта.

Если бы чувства, нами переживаемыя, сохранялись и работали въ безсознательной сферѣ, постоянно переходя въ сознание (какъ это дѣлаетъ мысль), то наша душевная жизнь была бы такой смѣсью рая и ада, что самая крѣпкая организація не выдержала бы этого непрерывнаго сцѣпленія радостей, горестей, обиды, злобы, любви, зависти, ревности, сожалѣній, угрызений, страховъ, отчаянія, надеждъ и т. д., и т. д. Нѣтъ, чувства, разъ пережитыя и потухшія, не поступаютъ въ сферу безсознательнаго, и такой сферы нѣтъ въ душѣ чувствующей. Но въ ней есть нѣчто иное. Это именно—*слѣды пережитаго*. Испытанное чувство исчезаетъ, но наша психика обогащается новымъ опытомъ и становится на будущее время болѣе *восприимчивою* къ данному чувству. Эта восприимчивость, пріобрѣтенная рядомъ опытовъ, можетъ передаваться наслѣдственнымъ путемъ и, черезъ нѣсколько поколѣній, превращается въ *инстинктъ*. Смотри по характеру чувства, пріобрѣтеніе восприимчивости къ нему можетъ приводить къ весьма различнымъ результатамъ, напр., къ большей легкости всякаго новаго появленія въ душѣ даннаго чувства, къ привычкѣ имѣть его (такъ можно привыкнуть къ тщеславію, къ занос-

чивости, къ властолюбію и т. д.), или же къ тому, что извѣстное чувство уже не будетъ проявляться съ тою яркостью, какъ проявлялось оно впервые ¹⁾).

Путемъ переживанія различныхъ чувствъ наша чувствующая психика обогащается внутреннимъ опытомъ и усваиваетъ, если можно такъ выразиться, «чувствоспособность», въ силу которой ей становятся доступными всевозможныя чувства, хорошія и дурныя, равно какъ и различныя степени яркости чувствъ, отъ тусклыхъ и слабыхъ до такъ называемыхъ *аффектовъ*, т. е. сильныхъ и страстныхъ проявленій чувства.

Сравнивать эту чувствоспособность, эту настроенность души, хотя бы она была доведена до степени *инстинкта*, слѣпо, автоматически дѣйствующаго, съ ролью и характеромъ безсознательной сферы мысли нельзя безъ натяжекъ, и такое сравненіе ни къ чему не ведетъ, кромѣ отрицательнаго вывода, что эти психологическія величины несоизмѣримы и даже не могутъ быть названы гомологами.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что въ *психикѣ мыслящей*, гдѣ есть безсознательная сфера, господствуетъ законъ *памяти*, а въ *психикѣ чувствующей*, гдѣ безсознательной сферы нѣтъ, властвуетъ законъ *забвенія*.

Къ сказанному прибавимъ, что чувства, какъ *сознательные* по преимуществу процессы психики, скорѣе тратятъ, чѣмъ берегаютъ, дешевую силу. Жизнь чувства—расходъ души ²⁾).

V.

Важнѣйшею характерною особенностью мысли, тѣсно связанною съ ея безсознательными процессами, является ея вѣчное стремленіе восходить отъ единичнаго, частнаго, конкретнаго къ общему, обобщенному, отвлеченному.

Уже грамматическія категоріи суть отвлеченія. Но важ-

¹⁾ „Qu'il y ait ou qu'il n'y ait pas de „mémoire affective“, dans le sens où l'entend M. Ribot, il y a à coup sûr une *habitude affective* qui importe plus que ses sources“. (G. Tarde, *L'opposition universelle*. P. 1897).

²⁾ Попытку расчислить почву для возрѣнія на чувство, какъ на расходъ души, какъ на трату энергіи, мы находимъ въ книгѣ проф. И. Г. Оршанскаго „Механизмъ нервныхъ процессовъ“, т. I (изд. Академіи Наукъ).

нѣйшее дѣйствіе абстракціи сосредоточено не въ формальных частяхъ слова, а въ его матеріальномъ (лексическомъ) содержаніи: конкретныя представленія обобщаются либо въ типичные образы (это—путь искусства, кромѣ лирики), либо въ отвлеченныя понятія (это—путь науки и философіи).

Ничего подобнаго нѣтъ въ сферѣ чувствъ. Чувство всегда конкретно. Нельзя обобщить, скажемъ, 100 чувствъ любви въ одномъ чувствѣ какой-то любви вообще. Только представленія (а не чувства) разныхъ сортовъ любви могутъ быть сведены къ общему понятію (опять-таки не чувству) любви вообще. Излишне пояснять, что чувства, объектомъ которыхъ служатъ не конкретныя вещи, а общія понятія, идеи (напр., любовь къ истинѣ), такъ же конкретны, въ смыслѣ чувства, какъ и всѣ прочія. Чувства всегда рѣзко индивидуальны, т. е. каждое изъ нихъ имѣетъ свою, такъ сказать, фізіономію, свой характеръ, опредѣленную окраску, такую-то степень силы или яркости и т. д. Оттуда—безконечное разнообразіе чувствъ той же категоріи.

И съ этой стороны коренное различіе между мыслию и чувствомъ можетъ быть сведено къ противоположенію сбереженія и накопленія психической силы въ обобщающихъ, отвлеченныхъ процессахъ мысли—расходованію и разсѣянію психической силы въ живой дѣятельности чувствъ, всегда конкретныхъ, всегда индивидуальныхъ.

Эта противоположность мысли и чувства нагляднѣе обнаруживается въ ихъ крайнихъ выраженіяхъ. Существеннѣйшій признакъ мысли—отвлеченіе. И чѣмъ мысль отвлеченнѣе, тѣмъ она больше мысль; чѣмъ она конкретнѣе, тѣмъ ближе подходитъ она къ чувству. Въ чувственныхъ воспріятіяхъ она сливается съ послѣднимъ. Слѣдовательно, чтобы, созерцать мысль въ ея наиболѣе яркомъ выраженіи, нужно взять самыя широкія научныя и философскія обобщенія, гдѣ въ одномъ законѣ или въ одной идеѣ сведено къ единству огромное количество фактовъ и ихъ болѣе частныхъ обобщеній. Громадное сбереженіе умственной силы, осуществляемое этимъ путемъ, не требуетъ поясненія.

Существеннѣйшій признакъ чувства это—окраска, придающая ему особый характеръ, не позволяющій смѣшать его съ другимъ чувствомъ. Чѣмъ ярче окраска чувства, тѣмъ оно больше—чувство. Слѣдовательно, чтобы созерцать чувство въ

232381-42.

его наиболѣе яркомъ выраженіи, нужно взять *аффекты* и *страсти*. Что аффекты и страсти представляютъ собою расходоуаніе душевной силы, это не можетъ подлежать сомнѣнію, равно какъ и то, что, если взять всю совокупность аффектовъ и страстей за извѣстный періодъ времени, то этотъ расходъ окажется огромнымъ. Какія статьи въ этомъ расходѣ могутъ быть признаны полезными и производительными,—это ужъ другой вопросъ; но несомнѣнно, что многія страсти и различные аффекты оказываются настоящимъ расточительствомъ, душевнымъ мотовствомъ, ведущимъ къ банкротству психики.

Такъ вотъ, если будемъ имѣть въ виду съ одной стороны высшіе процессы обобщающей мысли, научной и философской, а съ другой—самые сильные и яркіе аффекты и страсти, то коренная противоположность и антагонизмъ двухъ душъ—мыслящей и чувствующей—выступятъ отчетливо въ нашемъ сознаніи. И мы убѣдимся, что въ самомъ дѣлѣ эти «двѣ души» плохо ладятъ между собою, и что психика челоуѣка, изъ нихъ слагающаяся, есть психика плохо организованная, неустойчивая, исполненная внутреннихъ противорѣчій.

Представимъ себѣ картину душевной жизни, управляемой интересами отвлеченной мысли,—при минимумѣ аффектовъ, при отсутствіи страстей,—и мы получимъ то, что Спиноза, лучший представитель такой жизни, справедливо называлъ *свободою*.

Представимъ себѣ картину душевной жизни, управляемой аффектами и страстями,—при минимумѣ умственной дѣятельности, при отсутствіи отвлеченныхъ идей,—и мы получимъ то, что Спиноза справедливо называлъ *рабствомъ*.

VI.

До сихъ поръ мы говорили о чувствахъ, отвлекаясь отъ ихъ положительнаго содержанія. Теперь обратимся къ этой сторонѣ дѣла и прежде всего предложимъ слѣдующую *классификацію* чувствъ, основанную на эволюціонномъ критеріи: 1) чувства *органическія* (біологическія), 2) *надъ-органическія*, 3) *соціальныя*, 4) *надъ-соціальныя*. Вмѣстѣ съ классификаціей мы дадимъ и *оцѣнку* чувствъ со стороны ихъ значенія

въ общей экономіи психики человѣческой. Критеріемъ такой оцѣнки послужить намъ понятіе о стремленіи чувствъ *поработать* душу. Оговорюсь, что не имѣю возможности исчерпать здѣсь поставленный вопросъ, и только постараюсь дать общую схему классификаціи и отправныя точки указанной оцѣнки чувствъ.

1) Чувства *органическія* (біологическія): мышечное, общетѣлесное (здоровья, нездоровья), голодъ, жажда, сытость, половое и др. При нормальныхъ условіяхъ, при физическомъ и душевномъ здоровьи, при обычномъ удовлетвореніи соответственныхъ потребностей организма, эти чувства не поработаютъ души. Только при ненормальныхъ условіяхъ, при отсутствіи необходимаго удовлетворенія потребностей организма, эти чувства вырастаютъ въ аффекты, поработающіе мысль, другія чувства, волю. Легче всего—именно у мужчинъ—получаетъ аномальное развитіе половое чувство (и при томъ развитіе, не оправдываемое потребностью). На этомъ пути возникаютъ излишества и извращенія, часто являющіяся симптомами разныхъ психозовъ. Если это—психозъ,—о душевной свободѣ не можетъ быть и рѣчи. Но и внѣ психоза это чувство слишкомъ часто (у мужчинъ) пріобрѣтаетъ непропорціонально-значительное мѣсто въ общей экономіи психики и является началомъ поработающимъ. Женщины въ этомъ отношеніи гораздо свободнѣе и слѣдовательно совершеннѣе мужчинъ ¹⁾).

2) *Надъ-органическія чувства*. Изъ нихъ, полагаю, слѣдуетъ признать важнѣйшимъ *любовь* между мужчиной и женщиной, въ смыслѣ столь извѣстнаго состоянія влюбленности и идеализированной страсти. Это, безспорно, одно изъ поработающихъ чувствъ. Оно, безъ сомнѣнія, развилось на основѣ біологическаго инстинкта размноженія и можетъ быть понимаемо, какъ перерожденное и идеализированное половое чувство или какъ сложная психическая «надстройка» надъ нимъ,

¹⁾ Стремленіямъ моралистовъ, проповѣдующихъ половое воздержаніе, нельзя не сочувствовать, тѣмъ болѣе, что, сколько мнѣ извѣстно, авторитетъ науки на ихъ сторонѣ. Krafft-Ebing говоритъ: Erziehung und Lebensweise haben auf die Intensität der Vita sexualis grossen Einfluss. Geistig angestrenzte Thätigkeit (ernstes Studium), körperliche Anstrengung, gemüthliche Verstimmung, sexuelle Enthaltsamkeit sind der Erregung des Sexualtriebs entschieden abträglich. Die Abstinenz wirkt anfangs steigend. Bald früher, bald später, je nach constitutionellen Verhältnissen lässt die Thätigkeit der Generationsorgane nach und damit die Libido („Psychopatia sexualis“, стр. 32).

въ которой обращаютъ на себя вниманіе черты, повидимому, ничего общаго не имѣющія съ инстинктомъ размноженія и даже противорѣчащія ему (это — характерная особенность чувствъ надъ-органическихъ: на извѣстной высотѣ развитія они становятся «антиподами» соответственныхъ органическихъ чувствъ). Поэты всѣхъ временъ (надо отдать имъ справедливость) сдѣлали очень много для идеализаціи и облагороженія любви-страсти. Въ смыслѣ украшенія и поэтизаціи жизни это чувство имѣетъ свою цѣнность. (Но въ общемъ придется сказать, что оно приноситъ больше зла, чѣмъ добра. Вполнѣ умѣстное и благотворное въ юномъ возрастѣ, оно простираетъ свою власть и на старшія поколѣнія («любви всѣ возрасты покорны»), гдѣ оно — излишне и, какъ все излишнее, вредно.) Извѣстно, что глупостямъ, совершаемымъ людьми умными подъ властью этого чувства, имя — легионъ. Кромѣ глупостей, оно приводитъ и къ преступленіямъ, несчастьямъ всякаго рода, самоубійствамъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ будущемъ оно подвергнется значительнымъ измѣненіямъ въ своемъ составѣ, характерѣ и силѣ и потеряетъ ту власть и популярность, какими оно пользуется до сихъ поръ. Ужъ одно уравненіе женщинъ съ мужчинами на почвѣ общаго труда и развитія внесетъ коренныя измѣненія въ порядкѣ любовныхъ чувствъ, подогреваемыхъ, какъ извѣстно, различіемъ вторичныхъ половыхъ признаковъ, — а эти признаки въ извѣстной мѣрѣ уравниются въ общемъ царствѣ труда и мысли. Женщина будущаго, равноправный товарищъ мужчины на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности, потеряетъ тѣ утрированныя и условно-красивыя черты такъ называемой «женственности», которыя ни съ физической, ни съ духовной стороны не могутъ считаться положительнымъ приобрѣтеніемъ цивилизаціи.

3) Чувства социальныя: семейныя, общественныя, правовыя, политическія. Ихъ сфера огромна, и самыя чувства этой категоріи разнообразны до безконечности, раздѣляясь на разновидности и отличаясь по интенсивности; тутъ есть и обыкновенныя чувства, и аффекты, и страсти. Я не могу войти здѣсь въ разсмотрѣніе этого обширнаго порядка душевныхъ явленій и ограничусь нѣкоторыми соображеніями, преимущественно о тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ интересующему насъ вопросу о личности, объ ея